

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

заместитель главы ВРНС

РУССКОМУ СОБОРУ — 20 ЛЕТ

I

Да, Всемирному Русскому Народному Собору (ВРНС) уже 20 лет. С одной стороны, срок небольшой, а с другой стороны, если бы собор не возник, то до сих пор со стороны газет и журналов, подобных тогдашним “Известиям”, “Независимой газете”, “Коммерсанту”, “Огоньку”, “Московскому комсомольцу”, да и других так называемых СМИ так и несло бы: “Россия — тюрьма народов”, “патриотизм — последнее убежище негодяев”. До сих пор бы писали: “Эта страна”, — подразумевая и называя Россию нецивилизованной, отсталой, мракобесной страной, требуя изменить её национальный код. В начале и середине 90-х годов XX века восторжествовал необузданный, по сути, бандитский капитал, подчинённый иноземному, коварному, космополитическому мировому финансовому и политическому монстру.

Для олигархического капитала и его слуг в России национальному чувству не было места. Его сердце и душа переместились на Уолл-стрит, в банки Америки, Англии, Швейцарии, Тель-Авива, да ещё в офшоры Кипра и других подобных территорий. Страна осталась раздетой, разутой, обобранной в результате “демократических” реформ.

Слов нет, некоторые свободы она получила. Можно было проводить митинги, собрания, издавались газеты и журналы, которые, впрочем, скоро были прибраны к рукам теми же олигархами или их западными хозяевами. Стали говорить о необходимости свободы разных национальных объединений, народов и народностей.

Президент Ельцин со щедростью разгулявшегося купца провозгласил, обращаясь к национальным республикам и объединениям: “Берите суверенитета столько, сколько возьмёте”, — тем самым подталкивая их к отделению от России. Многие безответственные политики и деятели-говорюны и взяли. Страна трещала “по швам”. А ведь уже после 91-го года 25 (!) миллионов соотечественников осталось за пределами территории России. 25 миллионов — это ведь не сотня человек! Русский народ оказался раздёлённой нацией. Когда немцы разделились на два государства после второй мировой войны, то вся сердобольная западная печать стонала, говоря о несправедливости истории, хотя, если говорить откровенно, Англия, Франция и Америка потихоньку радовались ослаблению своего конкурента. Вьетнам с винтовкой, вернее, с автоматом Калашникова, переданным повстанцам Советским Союзом, объединил многомиллионный народ Севера и Юга страны. Горбачёв объединил Германию, получив за это звание “лучший немец”. А “лучшего русского” не нашлось... Беззастенчиво и бесцеремонно выгоняли, выжимали русских людей из Грозного и Кишинёва, Ташкента и Баку, Тувы и Казани.

Те, кто восстанавливал хозяйство этих земель, учил детей, утверждал передовую науку, в одночасье превратились в “оккупантов”. Зазвучал лозунг: “Чемодан! Вокзал! Россия!” А ведь в своё время оттуда звучали призывы: “Создайте азбуку, научите грамоте. Постройте школы и вузы, создайте заводы”. Радостно потирали руки иноземные заводы. А местные начальники воссели в кресла, некогда занятые умными и преданными делу коллегами: русскими, украинцами, белорусами. Оставляя квартиры, нажитое добро, глотая слёзы обиды, они брали с собой тощие чемоданы и уезжали в Россию, где их встречали неохотно, ибо *не ждали*. Чиновник, который искал способ поживиться на горе страны, тянул с правом на гражданство, получением паспортов, ссуд на строительство. Россия трещала... Её били, обзывали, принуждали унижаться и, конечно, пытались расчленивать. СМИ захватили те же олигархи с выпестованным ещё в советское время псевдоинтеллигентным планктоном, способным восхитаться только американским, западным образом жизни и с презрением относиться к многовековым традициям и культуре русского народа. Это была “подножная” интеллигенция. Её подкармливали, возвышали, отдали ей на откуп телевидение, с её помощью меняли образ жизни и мысли русских людей. Так, с помощью олигарха Березовского, тогда фактического властелина страны, в одном из залов Большого театра вручалась стотысячная долларовая премия “Триумф” тем, кто отступал от уникальной русской культуры, её образа, её смысла. Текли премии из-за границы от разных фондов, а их было немало! Журналы “Новый мир” и “Знамя” жили на деньги Фонда американского воротилы Сороса. Народ, в основном, интеллигенция, дрогнул. Россию стали покидать изобретательные умы, энергичные люди. Чтобы сокрушить советскую власть, в 80-е годы на все лады повторяли, что после революции на “пароход умных” было посажено две тысячи философов, историков, социологов, политологов, инженеров, учёных и отправлено за границу. Это, конечно, печальный факт. Но вот, по некоторым данным, в 90-е годы за границу, на Запад уехало около двух миллионов специалистов! Советских, русских интеллигентов. А кому же думать о стране, изменять её – но не к худшему, а к лучшему, обустроивать, укреплять?

Внутри страны лещимисты говорили: “Россия пропала, ей никогда не подняться”. Оптимисты с упорством повторяли: “Вот придёт новый Пётр I или Сталин – всё станет на свои места”. И лишь реалисты да православные люди призывали восстанавливать жизнь, строить её, опираясь на русскую культуру и Церковь. Часто повторяли крестьянскую поговорку: “Умирать собрался, а рожь сей”. Страна действительно лежала в руинах, погибала промышленность, добивали сельское хозяйство, но главное – убивали дух народа, создательный, неистовый в борьбе и в труде дух. Тот загадочный и извечный “русский дух”, который всегда восстанавливал Россию. В нём была Вера, утверждавшаяся Русской Православной Церковью, и общинное сознание, веками хранившее духовные ценности народа.

Конечно, дерусификация проводилась всегда: и в годы советской власти, и в дореволюционное время, когда с имперских университетских кафедр неслись проклятия царской власти и “этой стране”. Но в 90-е годы она достигла апогея. Из школ изгонялась русская классика, герои великих драматургов на подмостках театров превращались в акробатов, жонглёров, завсегдаев “улиц красных фонарей”. Театр перестал быть русским, за ним следовали школы, библиотеки, клубы. От полного упадка культуру спасали героические одиночки, неустанно говорившие о русском духе, русском деле, русском языке, русской школе, русской культуре, Русской Вере. Нельзя не вспомнить здесь И. Глазунова, В. Солоухина, И. Шафаревича, Л. Бородину, существовал “Русский клуб” С. Семанова, А. Ланщикова, П. Палиевского, Д. Жукова, В. Кожинова, С. Небольсина и др., писали Ю. Лошиц, П. Паламарчук, С. Лыкошин, С. Куняев, А. Проханов, С. Викулов, была мастерская Ю. Селивёрстова. Но не было единения. Уже не было М. Шолохова. В загоне были Г. Свиридов, С. Бондарчук. Нужна была организация, общественная, сильная, массовая организация, сила, которая была бы направлена на защиту прав и места русского народа в своём государстве.

Помню первый “Русский собор” генерала Стерлигова. Откуда и как он взялся – это дело историков и спецслужб. Но мы все, русские патриоты, кинулись туда. Я был на первом и втором Соборах в Нижнем Новгороде. Была радость, а потом и тревога: о чём они? Те соборы напомнили мне одну сценку, ко-

торую рассказал тогда ещё бывший митрополитом Кирилл: “Вот видишь, женщины сидят во время трапезы. Обрати внимание – они все говорят одновременно, все задают друг другу вопросы и одновременно все друг друга не слушают”.

Да, Русский собор генерала Стерлигова напоминал такую группу женщин – на нём были монархисты, республиканцы, коммунисты, неофиты-священники, атеисты со стажем. И все они говорили непрестанно, задавали и задавали друг другу вопросы и, конечно, не слушали собеседников. Немудрено, что Собор развалился.

Но поиск продолжался. В киноконцертном зале “Россия” проходил **I Русский Конгресс**. Он породил новые надежды. На его открытие собрались сотни людей. Его организовали довольно авторитетные силы, которые возглавлял Сергей Бабурин (РОС), Виктор Аксюциц (Христианская партия) и Виктор Астафьев (партия кадетов). В зале сидели солидные созерцатели, вдоль рядов ходили подвыпившие казаки. Были и завсегдатаи политических митингов, своеобразные старинные новгородские мужики-крикуны или, как их называли раньше, “горлопаны”, восторженные юнцы и испуганные старушки. Я заметил (ну как же им не быть на русском собрании!) и наблюдателей. Галина Старовойтова что-то лихорадочно записывала, настороженно следил за ходом Конгресса бывший работник ЦК партии, будущий посол новой власти в Израиле Бовин. Видимо, они делали свои выводы о том, сколь сильна эта нарождающаяся сила. Но сила ни тогда, ни в ближайшие дни не народилась: уж очень разные там были люди. *Всё-таки коня и трепетную лань, лебедя, рака да щуку в одну повозку не запрячь. Да и кучера не было.*

Однажды вечером мой сосед по дому, писатель Олег Васильевич Волков, слегка грассируя, сказал: “Неладно на Руси, не объединяется народ”. Волков был потомком адмирала Лазарева, патриотом России. А мне перед этим бывший комсомолец, член немного мифического русского Конгресса Юра Луньков, зная, что я печатал О. Волкова и его “Погружение во тьму” и у меня хорошие с ним отношения, сказал: “А не поговоришь ли ты с ним, чтобы он возглавил комитет по созыву и созданию Русского Собора”. Так мы с Олегом Васильевичем оказались на первых, неопределённых ещё по задачам собраниях, посвященных созданию русской организации. Уже становилось ясно, что на общественную арену выходит Русская Православная Церковь. На первом заседании оказалось, что мозгом и мотором нарождающейся организации стал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Я думаю, что в Патриархии давно искали, помимо церковных структур, опору в массовой общественной организации. Без особых споров с нашей стороны решено было собрать I съезд русских. Потом стало ясно, что надо назвать его I Всемирный Русский Народный Собор. Слово “всемирный” устанавливало связь с эмиграцией в дальнем зарубежье и протягивало руку соотечественникам в странах ближнего зарубежья.

К сожалению, Олег Васильевич Волков, замечательный писатель, отсидевший в лагерях и ссылках 29 лет, не утративший любви к России, в этот момент отошёл от движения. Возраст его был близок к 90 годам.

I Соборный съезд состоялся. Заседание проходило в Даниловом монастыре, в Патриарших палатах. Митрополит Кирилл посетил все секции, внимательно слушал, общался с его участниками, сделал доклад. Соучредителями съезда стали отдел международных сношений Русской Православной Церкви, Земское движение, “Роман-журнал” (я был там главным редактором), объединение “Белая Русь”, Русский Конгресс, Русский университет и другие. Были выбраны пять сопредседателей – митрополит Кирилл, главный редактор “Роман-газеты”, писатель, профессор В. Ганичев, профессор Н. Нарочницкая, политолог Ю. Луньков, экономист и предприниматель О. Кольченко. Вот тогда и стал уже по-настоящему складываться Всемирный Русский Народный Собор. На первых заседаниях чувствовалась боль соотечественников, вставал вопрос о массовом воцерковлении, о защите русских людей, о культуре, традициях и сохранении святынь.

Многие из участников Собора ещё не понимали, куда они попали, пребывали сначала в митинговом экстазе, курили в Патриарших покоях, громко кричали, были невыдержанны и нетерпеливы.

Мы и, в первую очередь, митрополит Кирилл успокаивали, обсуждали спорные вопросы, выстраивали линию поведения и защиты. И самое главное, впервые с такой всероссийской трибуны прозвучали слова о решающей

роли русского народа, о национальном самосознании и национальной культуре, впервые было внятно сказано о “разделённой нации”. Обществу стало ясно, что без духовной силы Русской Православной Церкви воссоздания России не произойдёт.

Ошеломило многих заявление митрополита о том, что **универсализм Церкви** сыграл громадную роль в истории государства Российского. Он не изгонял интернационализм, а как бы растворял его в более вещественной категории. Стержнем и опорой принципа универсализма явилась воспитанная православием русская ментальность, которая пропитывала и скрепляла государство в единый организм. Стойкий, терпеливый, смиренный и жертвенный, одушевлённый высшим религиозным идеалом русский народ был способен вынести любой груз, в том числе и тяжесть менталитета ойкумены. “Вошедшая в поговорки загадка русской души – это загадка Российского государства”, – сказал митрополит Кирилл. Это, конечно, в условиях растерянности, раздоров в обществе, противостояния различных групп было нитью, канатом соединения и единения государства. Громко и явственно с общероссийской трибуны Свято-Данилова монастыря прозвучало в ответ на все внутренние и внешние беды: **“Для русских не остаётся никакого пути, кроме пути возрождения своего национального начала”**. А вслед за тем здоровый упреждающий голос Церкви: “Это возрождение по своей природе не может быть узко националистическим”. И здесь, в развитии русского национального начала, единственной силой, способной оплодотворить и реализовать русскую национальную идею – без того, чтобы навсегда погубить универсальную миссию нашего народа, – является Православная Церковь. С этого момента РПЦ явственно становится духовным лидером (каким она и была фактически на протяжении всей нашей истории).

Создание общественной организации русских состоялось. Именно **общественной организации**, как подчёркивала Церковь. Не церковной, не клерикальной – общественной.

Да, это был исторический момент. Его значение быстро осознали в Кремле и в Думе. Вот один пример: работу Собора завершал приём, в центре зала стоял Патриарх Алексий II, глаза его, как всегда, лучились: он был доволен результатом. Примчался сподвижник Ельцина, будущий замглавы правительства Шумейко. Власть, получив информацию, решила: надо быть! Мероприятие стоящее и, пожалуй, таких ещё не бывало. И после этого уже на каждом Соборе был премьер-министр или президент, звучали приветствия, которые они направляли в адрес Собора. Были и представители разных политических партий. На приёме ко мне подошёл Геннадий Зюганов, попросил представить его Патриарху. Я подвёл Зюганова и сказал: “Вот представитель партии КПРФ”. Патриарх улыбнулся: он, конечно, знал Зюганова, а тот сказал, что их партия тоже борется за мир и согласие, за возрождение России. Патриарх одобрил такую позицию и, к удивлению многих, благословил Геннадия Андреевича, который с тех пор присутствовал на всех пятнадцати Соборах.

На всю страну прозвучало заявление соборян: “Россия – мать русских, и наш святой долг – оказывать поддержку всем русским... Каждый русский должен знать, что Россия – его отчий дом, здесь его помнят, ему сострадают, ждут, всегда готовы принять под свою кровлю”.

I Собор имел главную задачу: собрать духовные силы русского народа, рассеянного по разным странам. В 90-е годы многие были ошеломлены невзгодами, неудачами, ушли в себя, на фоне разобщённости и взаимных обвинений появилось чувство одиночества и растерянности.

Надо было собрать мыслящие силы страны для её возрождения. Надо было вызвать из глубины веков опыт предков, не раз преодолевавших смуты. Поэтому первый Собор был посвящён Сергию Радонежскому и имел название **“Российская духовная мысль”**. Второй Собор свою повестку определил так: **“Через духовное обновление – к национальному возрождению”**, и она должна была выстроить и линию обсуждения вопросов и деятельности Собора.

II

Кто был нашим противником? Ну, ясно, что это русофобы всех мастей, и в нашей стране, и за рубежом. Это множество либеральных лидеров и их пресса. Это отпетые западники. Это многие “новые русские”, среди которых

было немало и старых евреев, и хапуг всех национальностей, то есть капитал, обобравший народ и всеми способами уводящий русские деньги за границу. Это напуганные многочисленными годами русофобии обыватели и администраторы, которых ещё советский агитпроп страдал жупелом шовинизма.

Присутствие Церкви в Соборе озадачило и напугало и русофобов-западников, и либеральных небескорыстных их вождей. Они хотели сделать Церковь своим сообщником в разрушении Советского Союза. Не вышло! Церковь понимала, что у русского народа должна быть своя держава – крепкая, независимая.

Тут и проявились истинные намерения врагов России, которые явственно высказал столп американской дипломатии и мировоззрения Бжезинский, коего возносила наша русофобская братия: “Главной опасностью после разрушения коммунизма является Русская Православная Церковь”. В то время либеральная верхушка ещё не решалась открыто нападать на Церковь. Это потом, после миллионных очередей к поясу Богородицы, были спущены на поводке бесноватые *Pussy Riot!* Но тем не менее, в прессе о первых двух Соборах высказывались недоброжелательно: “шовинизм”, “национализм”, “мракобесие”. Но Собор было уже не закрыть, не заглушить, не остановить. Русские люди увидели в нём опору и надежду, в первую очередь, потому, что стержнем его была Русская Православная Церковь.

Клика Березовского, Гусинского, Невзлина и других воротил, вообразивших себя полными хозяевами России, “просмотрела” Русский Народный Собор, не подсунула, не продвинула в его руководство своих людей, как они обычно поступали всегда в подобных случаях.

III

Кто был нашим союзником – основой Собора, кто поддерживал нас?

Конечно, Собор опирался на массы русских и нерусских людей, особенно важно было привлечь людей мысли, культуры, умственного труда – то были мировоззренческие стержни Собора.

Жёсткие и непримиримые выступления писателя Валентина Распутина, восторженные речи первого лауреата премии Патриарха Владимира Крупина, будоражащие сознание заявления Ильи Глазунова, тонкие, рассчитанные на многоходовки выступления чемпиона мира по шахматам Анатолия Карпова, весомые и убедительные доклады ректора МГУ Виктора Садовниченко, духовное слово композитора Георгия Свиридова и дирижёра В. Федосеева придавали Собору мощное многоголосье.

Зал внимательно выслушивал людей разных воззрений. С уважением отнеслись и к представителям других религий. Так, верховный муфтий России Талгат Тайджуддин сказал на Соборе знаменитые слова: “Для мусульман Россия – это Святая Русь”.

Особое внимание, хотя часто и насторожённое, было проявлено к представителям власти. Своё уважение к Собору показал Президент России Владимир Владимирович Путин, выступив на одном из его заседаний. А руководители Думы и Совета Федерации были постоянными участниками и гостями Собора. Я бы сказал об особом отношении к Собору Л. В. Слизки, которая не раз выступала здесь с докладами, как и депутаты С. Попов от Омска, А. Гаврилов от Воронежа, Г. Ивлиев от Оренбурга и др.

Интересными были доклады Министра иностранных дел России Сергея Лаврова, постоянно участвовавшего в работе Собора.

Ну, и, конечно, стоит отметить участие представителей политических партий, некоторые из которых и слышать до поры до времени не хотели о каких-то русских проблемах.

Накануне 2000-летия Христианства в декабре 1999 года состоялся V Всемирный Собор с повесткой дня: “Вера. Народ. Власть”. Наверное, не было другой такой трибуны в стране, где бы выступили представители большинства политических партий, фракций и избирательных объединений. А на Всемирный Русский Народный Собор они пришли, хотя обстановка в стране была напряжённой. Получился очень представительный спектр различных политических мнений, многие группы именно здесь учились говорить и слушать оппонента. Это были представители крупнейших парламентских партий и движений: “Союз” (Н. Рыжков), “Наш дом – Россия” (В. Черномырдин), КПРФ

(Г. Зюганов), ЛДПР (В. Жириновский), “Отечество” (Ю. Лужков), “Женщины России” (А. Федулова), “Яблоко” (Г. Явлинский), “Российский общенародный союз” (С. Бабурин), “За гражданское достоинство” (Э. Панфилова), “Кедр” (А. Панфилов) и другие.

Не могу не сказать добрые слова о губернаторах, многие из которых понимали роль Всемирного Русского Народного Собора. Отделения Собора созданы в Волгограде (губернатор Н. Максютя), Белгороде (губернатор Е. Савченко, много внесший в дело служения России), Смоленске (где губернатор крестился, будучи взрослым человеком. Он сказал важные слова: “Наконец-то я заговорил языком собственного народа”).

Что касается духовный особ, то я хотел бы сердечно поблагодарить за содействие митрополита Саранского и Мордовского Варсонофия, много сделавшего для прославления Святого Праведного адмирала Фёдора Ушакова, митрополита Челябинского Феофана, митрополита Иннокентия, митрополита Калужского и Боровского Климента, выступавшего на многих соборных мероприятиях, митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла. Не могу не упомянуть о двух выдающихся пастырях – архимандрите Сретенского монастыря Тихоне и архимандрите Свято-Даниловского монастыря Алексии. Весь путь с Собором прошёл и отец Всеволод Чаплин.

Понятно, я называю лишь малую часть наших помощников и соборян.

IV

Какой Собор больше всего запомнился? Ну, честно говоря, каждый Собор по-своему значителен и важен. Но некоторые открывали новую важную страницу в истории не только ВРНС, но и в развитии общероссийских и даже мировых ситуаций.

Так, впечатление разорвавшейся бомбы в либеральных и прозападных кругах произвёл X Собор “Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке”, состоявшийся в 2006 году в Москве. Это был церковный и общероссийский ответ на “пугало прав человека”. Некоторые страны и политические круги в мире присвоили себе право судить людей и даже страны, не обращая внимания на их особенности и историю. И это право прикрывалось троянским конём “прав человека”.

“Православная традиция, – сказал на соборе митрополит Кирилл, – являющаяся культурообразующей для русской цивилизации, не может не ответить на этот вызов, иначе русский мир превратится в маргинальное явление в современном мире”.

Воздав должное провозглашённым правам человека в борьбе с безбожием, уничтожением и злом, митрополит Кирилл отметил, что концепцией прав человека часто прикрывается ложь, оскорбление религиозных и национальных чувств и попрание духовных ценностей, кроме того, в комплекс прав человека постепенно интегрируются идеи, не только противоречащие христианским, но и вообще моральным ценностям человечества. Всё это проблему прав человека трансформировало в проблему спасения человека.

Это был незабываемый доклад. Он был, с одной стороны, глубоко философский, мировоззренческий, *размыслительный*, призывающий к раздумью о судьбах человека и человечества, в то же время он был глубоко богословский, православный, со ссылками на Евангелие и другие священные книги.

Удивительная насыщенность мысли, высокий слог, образность и безусловные филологические достоинства отличали этот доклад. Ко мне после первого Собора подошёл восторженный соборянин и предложил: “Что, если мы выдвинем митрополита Кирилла Президентом страны?” Я был в недоумении и ответил: “Спросите сами у митрополита. Да, кроме того, Русская Православная Церковь не рекомендует священникам участвовать в выборах во властные органы страны”. – “А как же митрополит Макариос на Кипре?” – “Ну, это другая страна”.

Решения Собора получили поддержку не только в России, но и за её пределами. Почти из всех конституций стран Европы христианство, которое было колыбелью и творцом этих стран, изгнано. Страны Европы секуляризировались. Однополые браки – пожалуйста, гомосексуализм – пожалуйста, всякого рода проституция – пожалуйста, а вера, крест – ни за что! Это запрещалось якобы “правами человека”. Верующие, Церковь на Западе стали искать опору

в решениях Русского Собора, выступлениях Патриарха Алексия и митрополита Кирилла. Я выступал с докладом о роли литературы на конференции в Вене, которую организовали европейские католические и другие религиозные организации. Конференция носила удивительное, обращённое к обществу и властям название: **“Верните душу Европе!”** В докладах и сообщениях западных коллег звучали довольно резкие слова и заявления. Например, “Европа представляет собой колосс на тонких духовных ножках”, или “Мы кричим, что варвары на границе Европы, а они в наших СМИ и правительствах”. И это ведь говорили не левые, не пророссийские политики, а западные богословы и культурологи, каждый раз раскрывая агрессивность и бесцеремонность требований тех, кто призывает соблюдать так называемые “права человека”. Так что вести о решениях Собора распространялись всё шире и шире. Вскоре Собор ассоциировался при ООН и в других европейских организациях.

Совершенно уникальной была Соборная встреча “Вера и знание”. Впервые в истории России за столом президиума и в зале заседаний одновременно присутствовали Патриарх Алексий II и президент Академии наук Ю. Осипов, митрополит Кирилл и министр науки и технологий Фортов, многочисленные учёные, академики, доктора наук, епископы и другие священники, люди Церкви и науки. Заседания проходили в Москве и в Троице-Сергиевой лавре. Был вразумительный, разноплановый разговор о вере и знании. Запомнилась речь академика Н. Бехтерева: “Я занимаюсь физиологией мозга. Мы постоянно вторгаемся в него, изучаем его и вдруг дальше – непонятно ничего, дальше – Творец”.

Да, для России XX и даже XIX века это был необычный разговор, ведь не одну сотню лет убеждали нас, что наука и религия несовместимы, что люди творческие, интеллектуалы не могут быть верующими. А как же быть с Ломоносовым, Пушкиным, Гоголем, Достоевским, как быть с академиком Павловым и маршалом Жуковым? В наших обсуждениях родилась формула, которая определила итог этой уникальной соборной встречи: **“Наука и религия – не антагонисты!”**

Ну, а вот Соборная встреча, как говорится, из другой оперы.

Собор и РПЦ провели Соборные слушания “Ядерные вооружения и национальная безопасность России” (1996). Митрополит Кирилл подчеркнул, что Русская Православная Церковь на протяжении многих десятилетий вела активную миротворческую деятельность. Но в те годы было видно, как разваливается “ядерный щит державы”, останавливаются уникальные предприятия, разрушается атомное производство, а с ним города и центры, для которых эти предприятия были градообразующими, уходят из жизни учёные, которые отдали этому всю свою жизнь (тогда застрелился один из руководителей такого центра в Челябинске). Соборная встреча проходила в МГУ и прозвучала серьёзным предупреждением всем силам, которые старались ослабить нашу страну. В заявлении по итогам Собора было твёрдо сказано: “Россия не может обойтись без своего ракетно-ядерного щита”.

V

Ещё о наших скрепах. Конечно, это русский язык. Русскому языку выпала история языка-объединителя, и это не имперская амбиция, а результат его развития на протяжении веков, от Киевской Руси до наших дней, но самое главное – это язык великой культуры и литературы, язык Ломоносова, Державина, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова, Блока, Есенина, Шолохова, Леонова, Ахматовой, Распутина, Белова, десятков других писателей.

Собор заявил об ответственности каждого русского человека за состояние русского языка. Тогда, когда во всём мире распространилась агрессия массовой культуры, культурная экспансия англоязычных народов, в условиях стандартизации и технологизации действительности становится ясно, что русский язык нуждается не в декларативной, а в действительной защите от негативной политики СМИ и стоящих за ними компрадорских сил.

Многие преподаватели и учёные заявляли, что пришло то время, когда в России нужно относиться к языку, к слову как **великому дару, данному свыше, как к сокровищнице национальной культуры.**

Очень важной была одна из первых Соборных встреч в мае 1994 года, по-

свящённая русская национальная школа. Мнения разделились. Одни ратовали за массовое создание национальных школ – в ту пору в России были созданы армянская, еврейская, немецкая, английская, испанская школы. И это хорошо! Но русская школа была в Москве только одна!

На этой Соборной встрече, а затем и на Соборе выступили Валентин Распутин, Владимир Гусев, певица Татьяна Петрова, композитор К. Волков. Внимательно следил за его ходом А. И. Солженицын, который поддержал идею русской школы и защиты русского языка. Он предложил составить список русских слов, которые надо вернуть в обиход. Мы говорили о том, что учёные и писатели не борются, как боролись Ломоносов, Сумароков, Фонвизин, Карамзин, с иностранными поветриями, как был беспощаден к манерному *иностраничанию* великий просветитель, учёный, государственный секретарь при императоре Александре I адмирал Шишков. Шишков писал воззвания в тяжёлый для России час – о битве под Бородино, об оставлении Москвы. Когда столицу освободили, изгнав захватчиков и из России, великий адмирал возглавил просвещение в России.

Сейчас, слава Богу, книга о Шихове вышла в издательстве «ИХТИОС» (главный редактор С. Котьяло), а тогда – кто знал Шихова? Его имя за таптывалось или просто не упоминалось, как имена многих защитников русского слова.

Не раз на Соборе говорили о необходимости установления празднования Дня русского языка. И он был установлен – в день рождения А. С. Пушкина. В Белгороде появился памятный знак Русскому Слову, в Ульяновске – памятник букве «Ё», в Дагестане – памятник русской учительнице.

И эта работа должна быть продолжена: и борьба за восстановление написания сочинений в школе, и составление списка соотвествий русских слов иностранным. Надо всей страной поддержать белгородскую инициативу борьбы со сквернословием, создав систему штрафов и замечаний; установить премии за чистоту и культуру русского языка.

В общем, нам необходимо укреплять и защищать русский язык, пропагандировать его во всём мире.

VI

Неудачи, шероховатости, промахи? Как и в каждом деле, у Собора, у его участников они, конечно, были. Иногда от желания сделать, как лучше. К примеру, после второго Собора у умной и настойчивой Натальи Нарочницкой и некоторых её коллег появилось сомнение, что Собор в надёжных руках. Она вместе с Олегом Кольченко и другими решила перерегистрировать Собор на своё имя. На заседании бюро Собора митрополит Кирилл сурово спросил меня: «А Вы, Валерий Николаевич, об этом знали?» Я честно ответил, что не знал. Бюро прекратило заседание. Через час митрополит сокрушённо сказал, что надо юридически зарегистрировать обновлённый Собор, продолжающий дело предыдущего. С тех пор зарегистрирован Всемирный Русский **Народный** Собор, Его Главой официально стал Святейший Патриарх Алексей II, а заместителями – митрополит Кирилл, а от православных мирян – председатель Союза писателей России Ганичев. Я при открытии Собора вспомнил слова Н. Гоголя, что в России всякое новое дело может существовать только при благословении и поддержке Церкви. Наталья Нарочницкая впоследствии раскаялась в своём неразумном действии и стала снова одним из самых активных защитников России.

VII

Недостатки, проблемы. Недоделок и неосуществлённых замыслов у участников Собора, конечно, полно. Нам об этом не раз напоминал уже и Патриарх Кирилл, новый глава нашего Собора. Мы затронули ряд проблем русского населения нашей страны, всего народа. Но часто только лишь затрагивали – не решая, да и решить их полностью за время одной встречи нельзя. Но надо продолжать изучать ситуацию, выявлять болезненные моменты, обсуждать их и устранять. И ещё, на мой взгляд, несмотря на все сложности, трудности и даже поражения, не надо терять, простите за пафос, историческую уверенность в своей правоте, не предаваться унынию, тем более панике.

Как сказал великий флотоводец и Святой Фёдор Ушаков, набирая флотские команды, “надо собирать по человечку”. Собрать силы, знания, умения, чтобы употребить их для России, для успеха общего дела. И как только возникнет такая возможность, обращать их в действие.

Думаю, что новый виток жизни и работы Собора должен осуществиться в ближайшее время. Ведь фактически общерусскими заботами и делами (язык, школа, культура...) Собор занимается часто в одиночку. Если раньше это был общегражданский форум, общегражданская трибуна Слова, то приходит момент, когда он должен стать и общероссийской организацией Дела.

Нам предстоит очень важная работа по созданию областных и городских центров русской культуры, которые должны включиться в общероссийскую кампанию по пропаганде и защите русского языка, в том числе и как языка государственного.

В Соборе думают о проведении заседания, которое будет посвящено **объединению всех русских людей и соотечественников**. Это нелёгкое и довольно длительное дело. Собор должен подумать, как можно осуществить такое объединение. На предыдущем, XV Соборе были названы **базисные ценности** нашего народа, были определены вызовы эпохи, с которыми должен бороться русский народ и другие народы нашей страны.

Святейший Патриарх сказал: “Известно, что никто в смертельную атаку за увеличение ВВП не пойдёт, никто в смертельную атаку не пойдёт, чтобы увеличить уровень потребления”.

Поэтому великая цель и направление нашего движения – это возрождение России.